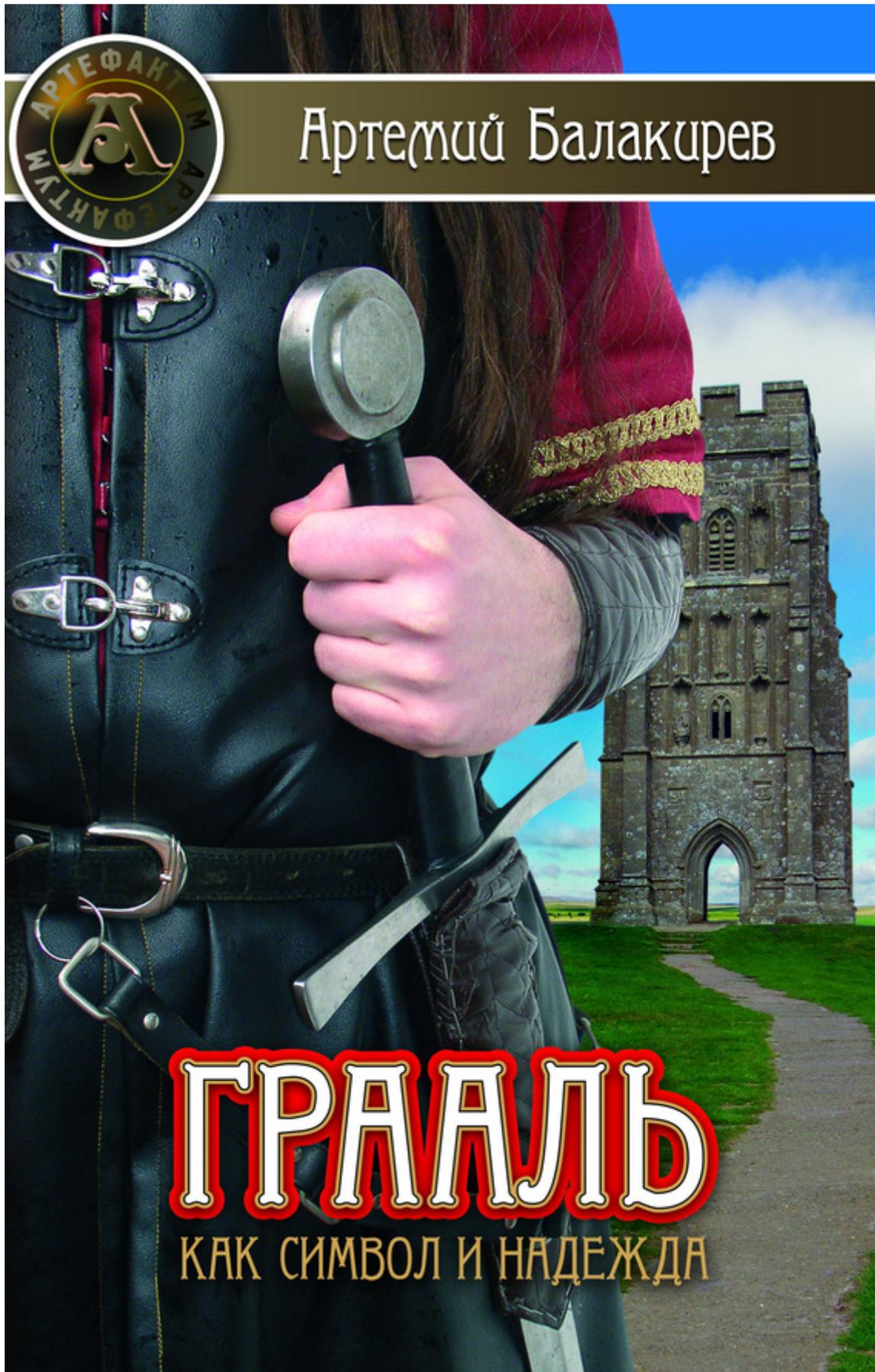

Артемий Балакирев

ГРААЛЬ

КАК СИМВОЛ И НАДЕЖДА

Артемий Балакирев
Грааль как символ и надежда
Серия «Артефактум»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6495202
Грааль как символ и надежда: Афина; СПб.: 2008
ISBN 978-5-91271-052-0

Аннотация

Свыше восьми веков Европа находится под обаянием одного магического объекта: святого Грааля. И это несмотря на то, что существование и самого объекта, и его «открывателя», поэта Кретьена де Труа, весьма сомнительно. Его произведение о святом Граале осталось незаконченным, на чем ловкачи пытаются спекулировать по сей день. Киноиндустрия так и не оставляет в покое героев этого творения: и король Артур, и даже Индиана Джонс – все ищут чашу. Так что же за символ представляет собой Грааль?

Содержание

Шепот каменной чаши, или Почти вступление	4
Часть 1	5
Значение слова-символа «Грааль»	6
о значении <i>lapsit exillis</i>	8
Одержимые святым Граалем	10
Часть 2	14
Малоизвестная знаменитость, или Фантазии о Кретьене	15
Жизнь и славные произведения Вольфрама фон Эшенбаха	17
Клинкор и Иблис	20
Герой Грааля	22
Часть 3	23
Тамплиеры и Грааль	24
Государство Грааль взглядом тамплиера-романтика	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Артемий Балакирев

Грааль как символ и надежда

Шепот каменной чаши, или Почти вступление

Мюнхенский хронист Цезарий Гайстербах записал престранную историю, произошедшую в 1200 году в одном из рейнских монастырей. Во время проповеди аббат заметил, что его монахи стали погружаться в дрему, пропуская его «боговдохновенные» слова мимо ушей. А потому он резко сменил тему и начал рассказывать... историю короля Артуса. В мгновение ока сонные монахи очнулись от сна. Чтобы тут же получить суровую отповедь: вот ведь, слово Божье слушать они не желают, все им сказочки подавай!

Король Артус, он же Артур, помог монахам стряхнуть с себя сон. Но не его ратные подвиги пробудили вечно постящуюся братию. Нет, их заинтриговали деяния рыцарей короля – поиски святого Грааля. Вот ведь в чем была изюминка истории аббата.

И неважно, кто первым поведал всему свету историю Грааля – мюнхенский летописец или кто-то другой. Существенно то, что история эта по сей день притягивает к себе наши сердца. Как магнит.

Для кого-то это сказка, для кого-то – самая что ни на есть реальность. Адольф Гитлер, к примеру, собирал целые экспедиции, чтобы найти этот загадочный объект. В него верил орден тамплиеров, след Грааля можно отыскать даже в алхимии.

Ему посвящали поэмы и романы...

А еще есть одна странная рукопись в монастырской библиотеке Мелька, которую не любят никому показывать. Ее именуют «Псевдопарсифалем», и начинается она следующими словами:

*Книга эта написана еще в правремена, написана во имя дня, что еще
грядет. Слушайте, слушайте, слушайте...*

Часть 1 Легенда и символ

*Истина – дочь своего времени.
Леонардо да Винчи*

Из «Псевдопарсифаля, создания благородного рыцаря Галахада»:

Мирно переливалась гладь океанов мира. Зеленовато-синие волны лизали берега Англии, а чайки старались перекрыть пение ветра. Челн танцевал по водам в поисках новой отчизны, длинные волосы Иосифа Аримафейского развивались стягом мира, стягом вечного возвращения.

...Одетая в белые одежды монахиня приняла нас у входа в обитель, и мы предались отдыху в тишине наступившего вечера. Рядом с ложем Парсифаля стояла плетеная корзина из ивняка, надежно хранившая золотую чашу.

Тихо опускалась над долинами ночь. Холмы погружались в сон, спали люди, не ведая, какой бесценный груз прибыл к их берегам...

Значение слова-символа «Грааль»

Центральным объектом легенды Кретьена де Труа, Вольфрама фон Эшенбаха, Робера де Борона и многих других авторов, без сомнения, является престранный предмет, который Вольфрам называл «гралем», а Кретьен – «граалем». У Вольфрама фон Эшенбаха впервые он появляется в 235-м стихе. Поэт описывает появление – блистательное и великолепное – королевы и ее свиты. Именно королева несет то, что является одновременно «корнем и зерном». «Это была вещь, что зовется Граалем», которая исполняла все, что ни пожелают.

Кретьен де Труа пишет следующее:

Прекрасная благородная и нарядная дева... держала Грааль в руках.
Когда вошла она с Граалем, разлился столь ослепительный свет, что лампы
утратили свою яркость, как звезды, когда всходит солнце или же луна.

Итак, Грааль. Но что же означает это слово? Как считают Венделин Ферстер и Альфонс Хилка, «этимологически... это может быть только градалис». В 1204 году ученый по имени Гелинандий впервые употребил это слово – «градалис». Гелинандий был летописцем XIII столетия. Кропотливо, год за годом, он записывал наиболее важные события мировой истории. Впрочем, маловероятно, что описания далекого прошлого, а Гелинандий довел свой труд до 500 года, действительно соответствовали исторической правде. Так, Гелинандий описывал, к примеру, переживания некоего британского ереmitа. В видении ему явился ангел и поведал об Иосифе Аримафейском. Тот увидел, как Иисуса сняли с креста, и узрел чашу, в которой Христос омыл руки во время Тайной вечери. Это видение было записано полатыни. Гелинандий относит указанное событие к 717 году, хотя традиция Грааля, конечно же, имеет более долгую историю.

В своем тексте Гелинандий расшифровывает значение слова «Грааль» (производное от «градалис»), которым по сей день пользуются многие исследователи:

Градалис, или также градаль, на французском означает широкую и не очень глубокую чашу, в которой лежат по обыкновению яства; в народе чашу эту также называют граальц, ибо милостива она (*gratia*) к тем, кто вкушает из нее.

Эрнст Мартин замечает по этому поводу, что, скорее всего, Кретьену де Труа было известно это высказывание летописца.

По всей видимости, Гелинандий и Кретьен видели в Граале чашеобразный сосуд. В «Этимологическом словаре романских языков» Ф. Дьеза я нашел следующее истолкование слова «грааль»:

...старофранцузское «греаль», «гразаль», провансальское «гразал»,
сосуд, чаша или бокал из драгоценных пород дерева, глины или металла...

Эмма Юнг пишет, что еще сегодня в Южной Франции понятие «„грацаль“, „грацау“ используется для обозначения различных сосудов». А филолог Пауль Пипер упоминает еще одно слово – *cratalis*, – означающее «молочный кувшин».

Но есть у него и другое значение: Грааль – священная чаша, дарящая милость, благополучие, благословение. То есть слово происходит от латинского *gratia*. Этому же соответствует французское *agreeable* – «приятное».

А еще можно вспомнить о *panes gradiles*, то есть о хлебе, раздаваемом голодным римскими императорами.

Зато производное от *Sang real*, «святой крови», относится к позднему Средневековью: именно в это время Грааль стали ассоциировать с чашей Тайной вечери. В 1470 году сэ

Томас Мэлори написал историю о короле Артуре – «Поиски Грааля». Здесь-то впервые и появляется понятие Sankgreal/ Sancgreal, означающее священный сосуд с кровью Христовой. В уэльской редакции говорится о *seint greal*. Но только Генри Ловелич, который спустя десятилетие после выхода произведения Мэлори перевел с французского так называемый текст «Ланселот – Грааль», в конце XV века напишет:

...люди называют этот сосуд Sank Ryal или Seint Graal.

Любопытным также кажется понятие *gangandi greidi* северного варианта легенды о Парсифале. Текст, скорее всего, появился в 1310-е годы. В нем о Граале говорится как о «приборе», называемом *gangandi greidi*.

В самом начале XX столетия немецкий филолог Франц Кампферс будет утверждать, что в слове «грааль» скрывается смысл куда больший, чем может показаться на первый взгляд:

«В прежние времена слово „грааль“ было туманно.

Неясно было даже, каких размеров этот самый Грааль».

Герберт Кольб, один из серьезнейших немецких германистов, видит в «Граале», чье происхождение он относит к арабским источникам, тайное имя, чуть ли не шифр. Другие исследователи считали, что Грааль происходит от слова *grees*, то есть «камень». Значит, неслучайно Вольфрам фон Эшенбах называл Грааль *lapsit exillis*.

о значении *lapsit exillis*

Что имел в виду поэт, связывая Грааль с камнем? В стихе 469 Вольфрам фон Эшенбах пишет, что есть камень, «зывается он *lapsit exillis*. Камень также Граалем прозывают».

От силы того камня сгорает птица феникс, превращаясь в золу, но та же зола возвращает ее к жизни. От нее же феникс получает свое роскошное оперение, каковое затем излучает ослепительное сияние, и феникс становится прекрасным, как и прежде. Более того, какую бы боль ни претерпевал страждущий, с того дня, как он узрит камень, он не сможет принять смерть всю следующую неделю. Даже его внешность и облик ничуть не ухудшатся. Цвет лица у него – будь то муж или дева – останется таковым же, когда он удостоился узреть камень, и даже более – таким, каков он был в его лучшую пору. У того, кто узрел тот камень хоть два века тому назад, волосы не тронутся сединой. Такую же силу имеет тот камень над человеческой плотью, что тело и кости живые тотчас молодеют.

Филологи долго гадали, что средневековый поэт подразумевал под *lapsit exillis*. Может, он ошибочку грамматическую допустил, хотел написать *lapis*, то есть «камень»? Но это лишь в том случае, если поверить в то, что Вольфрам был не больно силен в латыни. Думаю, что латынь ему была отлично известна.

Не вносит ясности и слово *exillis*. Фридрих Ранке считает, что *exillis* мог бы происходить от латинского «маленький», «тонкий», «незримый», хотя эта формулировка вряд ли может считаться окончательной и достоверной.

Можно было бы истолковать данное обозначение Грааля как производное от *lapis elixir* – «камень мудрости», что согласуется с чудесными деяниями Грааля. Христианизированное истолкование предлагает теолог Петрус Такс. Он хотел бы видеть в *lapsit exillis* Иисуса Христа, так сказать «краеугольный камень».

Берлинский германист Иоахим Бумке рассматривает другую возможность. Он считает, что *lapsit exillis* произошло от *lapis exilli*, что может означать «камень Исхода», или же от *lapis exulis*, то есть «находящийся далеко от родины камень».

Другие исследователи видят в *lapsit exillis* «камень небес», «небесный камень». Бодо Мергелль, например, утверждает, что это сокращение *lapis lapsus ex illis stellis*, в переводе означающее «камень, сошедший со звезд».

Есть множество противоречивых мнений, истолкований и переводов – и все они связаны с одним-единственным понятием: «Грааль». Наверное, все это неслучайно. Бодо Мергелль даже напишет:

Вольфрам фон Эшенбах сотворил тайну, исполненную
многозначности и сокровенного смысла поэтическую шараду.

Из «Псевдопарсифаля, создания благородного рыцаря Галахада»:

...Взгляд королевы величественно скользил по рядам
коленипреклоненных подданных. А потом складка гнева исказила нервный,
жестко изогнутый рот ее.

– Кто здесь Парсифаль, а кто Иосиф Аримафейский? – изрыгнула
королева вопрос, словно жег он уста ее.

Один из коленипреклоненных придворных ответил с трепетом
душевным:

– Тот высокий светловолосый юноша с зелеными глазами и есть Парсифаль. Люди восторженно внимают словам его и тому, что говорит Иосиф Аримафейский. Словно мед, сладки новости из дальних стран...

– Парсифаль, – с ненавистью повторила королева. – Пусть убираются из земель моих прочь.

Вот отчего продолжили мы путь на юго-восток.

В туманной дымке выросла маленькая деревня, дома которой сложены были из зеленовато-коричневых камней, из труб вился дымок, приглашая на трапезу.

У дверей дома стояла старуха, настороженно поглядывая в нашу сторону. Маленькая желтая птаха суетливо щебетала в кустах, и, казалось, немолодая женщина прекрасно понимала ее речи. Мы подошли и вежливо поклонились, уважая преклонный возраст селянки.

– Зовите меня Гайлой, – проговорила старуха, ткнув пальцем в сторону кособокой лавки у очага. Огромный, крестообразный шрам рассекал ее лоб, даже седые пряди волос не скрывали застарелой раны.

Она наполнила плошки похлебкой и протянула нам по куску хлеба. Мы с благодарностью приняли скромное ее подношение. Молча вкушали пищу, наслаждаясь теплом очага. А потом Иосиф Аримафейский заговорил с Гайлой, решив объяснить ей причину нашего путешествия.

– Мы путешествуем вдоль английских берегов, рассказывая историю чудесной чаши и хозяина ее. Мы трое были свидетелями чудесного воскрешения в далекой Иудее, о нем и свидетельствуем в разных странах.

Долго рассказывал он старухе о жизни Воскресшего, о нашем пути в Англии, где мы уже столкнулись с множеством жестокостей и несправедливостей властей предрежащих.

А потом настал черед Гайлы поведать удивительные вещи. Маленькая часовня скрывалась глубоко в лесу, окруженная древними дубами. Гайла накинула на худые плечи шерстяную шаль и решительно повела нас к потаенному святилищу.

Яркий свет внезапно чуть не ослепил наши глаза. У алтаря, что стоял в центре святилища, горело множество лампад. Двенадцать согбренных людей славили милость Божью.

Выложенные мозаикой каменные ступени привели нас в подземный грот, что скрывали стены часовни.

– Симон, к тебе пришли, – произнесла Гайла. – Думаю, их ты давно ожидаешь.

Старый Симон с улыбкой обернулся к нам. Иосиф Аримафейский вынул из глубоких складок одеяния чашу. Святой Грааль бесконечной чистоты и любви. Руки Симона задрожали в почтительном восторге, и он прикоснулся губами к священному сосуду.

– Как хорошо, что вы нашли меня, – заговорил он.

По подземному ходу Симон повел нас в каменную пещеру. Запахи тончайших благовоний и трав, что хранились в льняных мешочках, наполняли все пространство. Парсифаль тут же вспомнил сестру свою Элеанор, обожавшую подобную игру ароматов. Здесь мы решили побыть некоторое время, чтобы затем вновь отправиться в непростой путь.

Одержимые святым Граалем

Вольфрам фон Эшенбах и Кретьен де Труа действительно сумели породить великую загадку. Они написали о чудесном, фантастическом и недостижимом сокровище, способном увлечь и поразить даже наш современный мир хаоса. Но только ли удивительной идеей является Грааль на самом деле? Или просто литературным измышлением? Честно говоря, однозначного ответа дать, увы, невозможно. Хотя бы потому, что и Кретьен де Труа, и Робер де Борон предлагают совершенно иное описание Грааля, нежели тот же Вольфрам фон Эшенбах.

Так, Кретьен пишет о чаше, чей свет затмевает сияние лампад.

Грааль был из чистого, тонкого золота. Бесценные камни различных пород усыпали Грааль, самые богатые и драгоценные из тех, что существуют в морях и недрах земных.

У Робера де Борона Грааль вновь называют чашей. Вот что мы читаем:

– Что же сказать нам о чаше, кою мы лицезрели и которая явилась – и остается доселе – в очах наших столь приятной, что мы тотчас забыли все свои скорби? Как подобает нам называть ее?

– Те, кто хочет называть ее по имени, по праву могут звать ее Граалем, который приносит столь неизреченную радость и утешение всем, кто пребывает поблизости от него, что они чувствуют себя как рыба, коей удалось выскользнуть из рук человека и нырнуть в глубину морскую.

Вольфрам же более сдержан в описании Грааля. Он говорит лишь о чудном камне, зовущемся *larsit exillis* и Грааль.

Если Грааль и в самом деле, как пишет Эшенбах, был камнем, к тому же «камнем, упавшим с небес», то прежде всего на ум приходит метеорит. Ведь в действительности в мире существуют метеориты, почитаемые как священные камни многими религиями: чего стоит «черный камень» Каабы в Мекке. По легенде, его передал Аврааму архангел Гавриил, чтобы потом камень использовали для строительства храма в Мекке. Вольфрам фон Эшенбах (а об этом говорят многие его современники) мог услышать эту историю и описать Грааль как чудесный камень.

Как заманчиво простое объяснение сути Грааля! Вот только, к сожалению, непонятно, как же этот необычный камень был в состоянии даровать пищу, почему его украшали драгоценными камнями и золотом, как пишет Кретьен де Труа? К тому же людям европейского Средневековья было абсолютно чуждо представление о том, что камни могут падать с небес на землю (даже «черный камень» Каабы был принесен архангелом:

в представлении мусульман он не просто так упал с небес).

Столь же непросто принять на веру легенду о том, что Грааль – это всего лишь мифический самоцвет, выпавший из короны Люцифера во время битвы с ангелами. Вот что написано в первой средневековой редакции «Вартбургских войн»:

Должен ли я поведать о короне, сделанной шестьюдесятью тысячами ангелов? Хотели они Господа Бога нашего с небес изгнать. Зри, человек! Люцифер, твоей была корона та... Святой Михаил гнев Божий видел, мучимый высокомерьем отпавшего. Сбросил он корону с главы его (Люцифера), и камень выпал из нее, чтобы на земле предстать камнем Парсифаля.

Бодо Мергелль придерживается иного мнения. Он считает, что, описывая Грааль, Вольфрам фон Эшенбах имел в виду некий алтарный камень. Вот что пишет Мергелль:

То, что достаточно небольшие алтарные камни (altare portatile) существовали вплоть до XII столетия, известно всем ученым.

Но как тогда быть с описанием Грааля как чаши? Что это за чаша? Возможно, поднос, на котором вынесли отрубленную голову Иоанна Крестителя? А может, Грааль – это чаша, из которой пили во время Тайной вечери Иисус и двенадцать апостолов? Согласно легенде, именно в эту чашу Иосиф Аримафейский собрал кровь распятого на кресте Спасителя. В тексте Робера де Борона мы читаем следующее:

Сие сосуд, в который была собрана бесценная кровь нашего Господа, когда был прободен копьем он, и ежели желаете услышать вы о том поболее, я расскажу вам всю правду.

Нам, людям XXI века, не так просто понять, отчего чаша может иметь подобное значение. Но люди Средневековья мыслили по-другому, ими владели иные фантазии и верили они иначе, нежели мы. Те люди нуждались в моральной опоре. И находили ее во всевозможных реликвиях, старались повсюду изыскивать, хранить и почитать вещи, относимые к временам Христа или же эпохе первых апостолов. Тогда Бог становился им чуть ближе, более реальным.

Средневековье буквально пропитано верой в чудесное. Подобно тому как индейцы охотились за скальпами белых людей, в Средневековье охотились за реликвиями. Чего стоит Туринская плащаница, к примеру. Впрочем, реликвии далеко не всегда были подлинными. Существовало огромное количество фрагментов креста, на котором распяли Иисуса. Если сложить их вместе, получилось бы, самое малое, три огромных распятия. Точно так же дела обстоят и с «гвоздями», которыми Иисуса прибавали к кресту, с «терновым венцом», надетым на его голову, «яслями из хлева Вифлеемского». Ценились даже «пеленки младенца Иисуса», «губка», которую подносили к губам распятого Христа. Особенно забавными кажутся «молочные зубы» Иоанна Крестителя, выставляемые в Венском Хофбурге, или – слегка подсохшие – капли «молока Девы Марии», а также «перо из крыла архангела Михаила», демонстрируемое Католической церковью. Мусульманские торговцы Средневековья быстро смекнули, что ищут в Святой земле крестоносцы и паломники: контакта с эпохой, в которой жил и творил Иисус Христос. А потому с великой радостью мошенников торговали «святым товаром»: всевозможными реликвиями. Одновременное появление нескольких копий Лонгина и чаш Христа приводило к смущению и даже совсем несвятым ссорам между христианскими общинами, приходами и целыми городами, но в самом факте преклонения перед реликвиями ничего не меняло. И даже сегодня, в начале XXI столетия, «фрагменты» некоторых святых все еще развозятся и демонстрируются по всему миру.

В принципе, в этом ажиотаже виновата святая Елена, мать римского императора Константина. Если уж на то пошло, именно Константин является настоящим основоположником сегодняшнего христианства. Именно он в 325 году созвал знаменитый Никейский собор. Многие решения, и в том числе по вопросу, был ли Иисус богом или человеком, принятые на соборе, диктовались императором. Причем сам Константин на протяжении всей своей жизни не считал себя христианином, а исправно поклонялся богу Солнца. Только на смертном одре он принял крещение по христианскому обряду, скорее всего руководствуясь принципом «подстраховки» в загробном мире.

Его же мать, в отличие от сына, довольно рано перешла в христианскую веру. Елена была одержима странной идеей: через триста лет после Рождества Христова и через двести лет после страшного разрушения Иерусалима она повсюду искала вещественные доказа-

тельства существования Иисуса. Мать императора посылала целые поисковые экспедиции, которые – и кого это удивит? – всюду отыскивали то, что наказала им Елена: место распятия и, в нескольких метрах от него, «Гроб Господень», крест с надписью «Иисус, царь Иудейский» и даже место в пустыне Синайской, где росла неопалимая купина Моисея. Сегодня в этом самом месте все еще возвышаются стены монастыря святой Екатерины, а ко «Гробу Господню» ежегодно съезжаются миллионы людей, убежденных в том, что это и есть то самое место, куда Иисус вернулся через три дня из царства мертвых. Но все это тем не менее весьма сомнительно.

Впрочем, для людей эпохи Средневековья все реликвии и священные места значили куда больше, чем для нас, сегодняшних. Эмма Юнг исследовала глубинное влияние идеи кровавых реликвий Иисуса на жителей Средних веков. В его крови видели «душу», свидетельство божественности. Безграничные целительные силы и удивительное взаимопонимание с Богом – все это тоже «отражалось» в крови Иисуса.

Более того, на заре позднего Средневековья в литургию вносится одно важное новшество: гостию¹ больше не прячут от глаз верующих, а демонстрируют открыто. И таким образом крадут у людей иллюзию: иллюзию сверхъестественного, таинственного. Сейчас все это кажется забавным, но вот что интересно: нечто подобное произошло и в наши дни. Когда после Второго Ватиканского собора в начале 60-х годов XX века «превращение» хлеба и вина стали проводить в открытую, на обращенном к молящимся алтаре, исчезла все та же иллюзия загадочности. Многие верившие в реальность чуда протестовали во весь голос – например, епископ-традиционалист Лефебр в 1970 году. А во многих миссионерских церквях Африки и Южной Америки до сих пор верующих держат во время богослужения на значительном расстоянии от священника. Для них священнослужитель по-прежнему остается кем-то вроде волшебника.

В Средневековье все было еще однозначнее. Верующим требовалась «тайна». Гостию же, «тело Христово», стали показывать открыто, гостия теряла мистический налет. И эту мистику, эту тайну перенесли на другой предмет: на Грааль. Однако все ли с ним так просто?

В заключение первой главы скажу еще о двух символических истолкованиях Грааля. Многие исследователи видят в нем аналогию с чудо-камнем Шамиром царя Соломона. Вернер Вольф пишет по этому поводу: «Обе вещи происходят из (земного) рая... за обеими вещами всегда охотились». Другие специалисты сравнивают Грааль с так называемым «солнечным столом» эфиопов, «всегда уставленным мясом и фруктами», как указывает Пауль Пипер. Кто знает...

Оба «литературных родителя» Грааля, Кретьен де Труа и Вольфрам фон Эшенбах, знали об этой «вещице» не так много. Они не видели ее собственными глазами и не могли сообщить ничего определенного. Впрочем, и писали они о Граале в рамках рыцарских романов, сюжеты были наиграны – так в наши дни беллетристы играют с выдуманными или действительно существующими персонажами, предметами, местами: изменяют имена, придают другое значение реальным фактам. Иоахим Бумке пишет по этому поводу:

Вольфрам окружил чудо-камень аурой таинственности, и на протяжении всей поэмы образ Грааля у него меняется. В пятой книге доминируют сказочные черты. В девятой же книге в центре внимания оказываются религиозные мотивы. А в конце поэмы, в шестнадцатой книге, образ Грааля пронизан мотивами Страшного Суда.

¹ По христианской традиции превратившийся в плоть Иисуса хлеб.

Так что же такое Грааль – чаша, кубок, камень, «солнечный стол», Шамир? Может быть, нечто, что включает в себя все эти на первый взгляд разные предметы?

Я предлагаю вам отправиться на поиски Грааля и начать их со знакомства с двумя милыми его рыцарями – Кретьеном и Вольфрамом.

Часть 2 Легенды о Кретьене и Вольфраме

Малоизвестная знаменитость, или Фантазии о Кретъене

В комнате сидит человек и что-то пишет. Мы не можем хорошо рассмотреть помещение и не знаем, где оно находится: в частном ли доме, в монастыре, или замке? Видимо, это где-то на северо-востоке Франции... Перед ним – пергамент из хорошо выделанной овечьей кожи, чернильница с буровато-черными чернилами, сделанными из чернильных орешков, и перо, вероятнее всего – гусиное. С помощью всех этих принадлежностей человек что-то пишет... Это плод фантазии, воображения, так называемый конт, или занимательная история.

В таких выражениях описал «творческую мастерскую» Кретъена де Труа Ричард Барбер в своей книге «Святой Грааль». Остается только добавить, что занимательные истории Кретъена были посвящены, естественно, самому загадочному предмету Средневековья – святому Граалю.

Он родился в Труа, во Франции, жил и творил в конце XII столетия. Вот, пожалуй, и все, что могут сообщить о нем серьезные историки литературы. Увы, даже о его произведениях известно куда больше, чем о самом Кретъене. Никакой существенной информации на страницах книг о себе автор не оставил. Известно только, что де Труа скитался между дворами владетельных персон СевероВосточной Франции и Фландрии. Когда дочь Элеоноры Аквитанской и Людовика VII Французского, графиня Мария Шампанская, в 1160 году создала в Труа литературно-художественный кружок, аналогичный кружку ее матери в Пуатье, к нему примкнул и Кретъен. Более того, один из своих романов, «Ланселот», он напишет специально для графини Марии, да и самые яркие впечатления его жизни будут связаны именно с двором покровительницы изящных искусств. А затем Кретъен по неизвестной для нас причине покинет двор графов Шампанских и станет служить другим властительным господам. Он появится даже при англо-норманнском дворе короля Генриха II. Но вот только прижиться в Англии де Труа не сможет. Уж больно неприглядным покажется поэту приказ Генриха убить архиепископа Бекета. И Кретъен направится ко двору Филиппа, графа Фландрского. Здесь он и уйдет из жизни, не успев завершить свой главный роман – «Конт о Граале».

Кстати, Кретъен сообщает, что занимался переводами Овидия, и, судя по всему, был превосходно образован – по крайней мере, к творчеству классиков он прикоснулся хотя бы как читатель. Давно минувшие времена притягивают его, словно магнит. Особенно эпоха короля Артура.

Сколько магических приключений связано с именем этого короля, а любовных переживаний и того больше! И публика – чаще всего рыцари, не слишком образованные, но и не лишенные связи с миром интеллекта, – в восторге внимает историям Кретъена де Труа.

Вдруг он резко отступает от излюбленной темы. И берется за повесть о поисках чуда как такового. Кретъен приступает к рассказу о поисках Парсифаля. К сожалению, история так и останется незавершенной – ее автор внезапно уйдет из жизни. О чем же поведал своим восторженным читателям де Труа? (Я не буду подробно пересказывать ни произведение Кретъена, ни сочинение Вольфрама фон Эшенбаха. Поверьте, эти книги достойны того, чтобы вы сами прочитали их «от корки до корки». Но основную сюжетную линию все же покажу).

Однажды на охоте Парсифаль, сын вдовы, встречает в лесу рыцарей. Ошеломленный, он принимает их за ангелов и спрашивает их предводителя: «Ты – Бог?» Те рассказывают юноше о рыцарстве. Парсифаль преисполняется решимости сделаться рыцарем. Несмотря

на все мольбы матери, он отправляется на поиски короля Артура, чтобы принять от него посвящение в рыцари.

В пути Парсифаль встречает в некоем шатре девушку, обманным путем похищает у нее поцелуй, забирает на память ее кольцо, а затем бросает ее наедине с разъяренным возлюбленным. Когда же Парсифаль появляется при дворе короля Артура, то подвергается насмешкам Кая-сенешаля, да и сам король не спешит посвящать его в рыцари. Парсифаль отправляется на поиски рыцаря, который похитил кубок королевы. Удачным ударом дротика он убивает похитителя.

Затем Парсифаль попадает в замок рыцаря Горнемана. Тот обучает юношу искусству владения рыцарским вооружением. Именно от него Парсифаль принимает посвящение в рыцари. Наш герой вновь отправляется в путь.

В путешествии ему встречается полуразрушенный замок, хозяйкой которого оказывается прекрасная девушка по имени Бланшефлер. Она и ее слуги обороняют замок от посягательств назойливого поклонника по имени Кламадеус Ильский. В полночь Бланшефлер приходит к Парсифалю, и они проводят ночь любви. Злобный Кламадеус терпит поражение от Парсифаля, и последний посылает его к Артуру в качестве своего пленника. Освободив Бланшефлер, Парсифаль вспоминает о своей матери и заявляет, что должен отправиться к ней.

Парсифаль подъезжает к глубокой реке, перебраться через которую не представляется никакой возможности. Так юный рыцарь оказывается в замке короля-рыбака, расположенном у реки, и видит Грааль:

За юношами следовала дева, прекрасная, в прелестном одеянии; в руках она несла Грааль. Когда она вошла, неся Грааль, вокруг разлился столь пречудный свет, что свечи вмиг утратили свой блеск, как звезды и луна при свете солнца... Грааль... был сделан из прекраснейшего золота, украшен драгоценными камнями, ценнейшими и лучшими из всех... И юноша их видел пред собою и... не посмел задать вопроса о том, кто тот достойный, коему Грааль сам служит.

Даже в незавершенном виде «Повесть о Граале» пользовалась огромной популярностью. Мы располагаем многочисленными списками рукописи: пятнадцать полных копий и четыре фрагмента. Все они созданы лет на пятьдесят позже того момента, когда смерть Кретьена оборвала его работу.

Но Грааль по-прежнему воспламенял воображение и авторов, и читателей.

Жизнь и славные произведения Вольфрама фон Эшенбаха

Он был человеком, наделенным богатым воображением, разговорчивым и всегда готовым играть в изысканные литературные игры со своими читателями или слушателями. Для начала он заявляет: «Я не знаю ни единой буквы алфавита. Надеюсь, здесь найдется немало таких, кто готов уподобиться в этом мне; посему наши приключения вполне могут обойтись и без книг». Затем он сообщает, что дом у него настолько беден, что и мышь вряд ли сможет найти там чем поживиться. Но при всем этом он готов поиздеваться над своими коллегами-придворными... – пишет о нем Ричард Барбер.

Вольфрам фон Эшенбах. Да кто был, собственно говоря, этот Эшенбах? Сегодня его рождение датируют 1170 годом, а дата смерти выпадает на 1220 год. Ранее считалось, что родом Вольфрам был или из Швейцарии, или из Эшенбаха в Баварии, но сегодня мы знаем, что на свет он появился в Обер-Эшенбахе, расположенном южнее Ансбаха.

В отличие от своего современника, Вальтера Фогельвейде, Эшенбах не был «бродячим певцом», хоть и часто менял место жительства. Вольфрам умел находить знатных покровителей, например графский род Вертхаймеров. Он же буквально «лелеял» отношения с господами Дурне в Зильдбахе, с ландграфом Германом Тюрингским в Айзенахе. Богатым человеком Вольфрам не был – куда там. Но, несмотря на это, совершенно не унывал. Пусть богатыми будут покровители.

Самого себя Вольфрам, – скорее всего, из скромности, – называл необразованным дилетантом. А вот другие поэты его времени подобной скромностью, к сожалению, не обладали. Вольфрам прекрасно знал латынь, немецкую литературу, в особенности героический эпос и легенды, и тянулся ко всему чужеземному и неизвестному с по-детски жадным любопытством. В особенности Эшенбах любил восточные имена, что заметно по его собственным произведениям; люди, страны, целые народы, магические приборы – все имеют необычно звучащие имена и названия.

Читал он и труд Кретьена де Труа, о чем упоминает в своей поэме: «Коль мэтр Кретьен, почтенный де Труа, в своем рассказе допустил неточности...» Впрочем, это единственный случай, когда Вольфрам называет имя Кретьена, показывая тем самым, что ему знакомо творение французского автора.

«Парсифаля» Вольфрам начал приблизительно в 1200 году, а закончил только в 1210-м. В это десятилетие он несколько раз прерывал свою работу, приступал к созданию других произведений. Его стиль менялся. Если начало «Парсифаля» и в самом деле написано «новичком», то с каждой новой книгой искусство Эшенбаха-поэта становится все ярче.

Наряду с «Парсифалем» Вольфрам фон Эшенбах создает и перерабатывает такие произведения, как «Титурель» (история королей Грааля) и «Виллехальм». В молодости Эшенбах пишет множество любовных стихов, но позже категорически откажется творить в этом литературном жанре. Для него, в отличие от Кретьена, любовь вовсе не является основным персонажем. Главный герой Эшенбаха – Поиск. Так о чем же рассказывает Вольфрам фон Эшенбах в своем «Парсифале?»

В «Повести о Граале» Кретьена де Труа мы мало что узнаем о семье главного героя, об истории его отца и о том, почему его мать стала вдовой и поселилась в лесной глуши вместе с сыном. Вольфрам же тщательно переработал эту сюжетную завязку, и повествование у него начинается с подвигов Гамурета, отца Парсифаля.

Предпринятые Гамуретом поиски славы и удачи приводят его в языческий мир – в Вавилон и Аравию. В дальних краях Гамурет становится возлюбленным Белаканы, чернокожей королевы Зазаманка; у них рождается сын, «пестрый, словно сорока». Но еще до рож-

дения отпрыска Гамурет уезжает, отправляясь на поиски новых приключений. Вернувшись на родину, он завоевывает руку и сердце прекрасной Герцилоиды, королевы Вaleyса. В этот момент к нему приходит известие с Востока о том, что его старый друг и союзник Барук Багдадский подвергся нападению вавилонян, и Гамурет отправляется к нему на помощь. Он гибнет на поле боя. Весть о его смерти приходит к Герцилоиде за две недели до рождения их сына, Парсифаля.

Узнав о гибели мужа, Герцилойда «покинула удовольствия мира». Она воспитывает Парсифаля в глуши. Затем он встречается в лесу рыцарей и сам изъявляет желание вступить в их ряды. Чуть позже Парсифаль встречает свою кузину Сигуну, оплакивающую смерть возлюбленного, и от нее узнает историю своего рода.

В поисках приключений Парсифаль знакомится с Треврицентом, оказывается у замка Грааля, который Вольфрам именуется Мульсавешем. Здесь Парсифаля приветливо встречают, и он, сняв доспехи и оружие, подходит к хозяину, который лежит в постели возле очага. И тут Парсифаль видит Грааль:

...все совершенство райского сада – и корни, и ветки... Такова была природа Грааля.

Почти сразу же после своей смерти Вольфрам фон Эшенбах превращается в легенду, «литературную икону». В нем видели родоначальника искусства мейстерзингеров, считали одним из тех поэтов, что приняли участие в легендарном состязании в Вартбурге, и даже утверждали, что Вольфрам был посвящен в рыцари одним из графов Хеннебергских.

Первым, кто «филологически» отнесся к Вольфраму, был его современник Готтфрид Страсбургский². Однако «литературно настроенный» Готтфрид тяготел к классической стройности, деликатности и сдержанности, а Вольфрам был воплощением мятежной неистовости. Вот что написал Готтфрид Страсбургский о творчестве своего современника:

Сочинители нелепых басен, завятые охотники за историями, гремящие цепями фантазии и напрягающие пустые мозги, пытаюсь превратить чепуху в золото для детей... Эти охотники за историями вынуждены сопровождать свои писания комментариями, ибо, слушая и читая их бредни, никто ничего не сможет понять.

Как ни странно, таким непонятливым критиком оказался только Готтфрид. Другие читатели Эшенбаха не скрывали восхищения его произведениями. С 1460 по 1470 год у могилы умершего поэта даже была возведена собственная капелла. Это было место самого настоящего литературного паломничества. А в 1608 году нюрнбергский дворянин Ханс-Вильгельм Кресс рассказывал о своем визите к гробу Вольфрама, на котором была высечена весьма примечательная надпись: «Здесь покоится прах благородного рыцаря Вольфрама фон Эшенбаха, учителя для всех певцов». В 1861 году по приказу короля Максимилиана II на рыночной площади Эшенбаха был воздвигнут памятник поэту. Впрочем, самые настоящие «страсти по Вольфраму» разгорелись еще в первом десятилетии XIX столетия, когда кенигсбергский ученый Карл Лахманн вплотную занялся произведениями поэта.³

«Ни одним другим поэтом Средневековья германистика не занималась с подобным жаром, как Вольфрамом фон Эшенбахом и его произведениями, и в первую очередь „Парсифалем“», – писал в 1966 году Хайнц Рупп.

Надо сказать, что этот интерес не угас и по сей день. Лично я благодарен Эшенбаху не только за историю чудесного Грааля. Нет, я в восторге читал строфы его поэмы, описы-

² Автор «Тристана и Изольды».

³ Его книга «Вольфрам фон Эшенбах» издается в Германии даже в наше время.

вающие замок Люцифера. Потому что это тоже загадка Грааля. Загадка и символ, однако скрытый, потаенный.

Клинкор и Иблис

Об этом сюжете, связанном с легендами о святом Граале, упомянуть просто необходимо.

Был ли хозяин волшебной крепости из историй о Граале тем самым павшим ангелом, что так страстно ждет часа своего спасения?

Обратите внимание на систему Эшенбаха. Когда он говорит о различных планетах, то обязательно употребляет арабские названия. Например, Венеру он называет Аллигафиром, то есть Аль Лукафиром – Люцифером. Утренней звездой. В тексте Эшенбах упоминает и о другом, не совсем звездном Люцифере, легендарном вожаке павших ангелов. Ведь «благодаря» ему Грааль попадает на землю. И именно от судьбы Люцифера мудрец Треврицент предостерегает Парсифаля. Последний, правда, и не думает прислушиваться к нему и находит Грааль.

Когда Парсифаль успешно завершает свои поиски Грааля, Треврицент более не понимает мир. Еще никогда Грааль не обретали силой. Только после этого он рискует рассказать Парсифалю кое-что интересное. Об этом он умолчал при их первой встрече: о судьбе ангелов, оставшихся нейтральными во время космической битвы между Богом и Люцифером. Эти ангелы были прокляты на все времена.

Не кажется ли вам это несколько противоречивым? Лично у меня сразу же возникает вопрос: откуда Тревриценту вообще известно об этом? И потом, сам-то Парсифаль ни в коем случае не остается нейтральным. Наоборот, он отвергает прорицания волшебницы Кундри, что, мол, он тоже проклят и его ожидает ад, – восстает и побеждает. Вот что заявляет Парсифаль у Эшенбаха:

Бог? Да что там Бог! Если бы Он воистину был всемогущ... Я служил Ему как верный Его вассал, надеясь заслужить Его милость. Но теперь я отказываюсь служить Ему. И если Он способен на вражду со мной, я готов ее принять.

Довольно смелое, даже люциферовское замечание, не правда ли?

Если уж даже Парсифаль, которого Треврицент сравнивает с Люцифером, смог победить свою судьбу, то почему должны быть прокляты оставшиеся нейтральными, неприсоединившимися ангелы?

Возможно, Эшенбах осмелился на очень дерзкое для его времени утверждение: если уж Парсифалю удалось преодолеть судьбу, то почему бы не дать второй шанс Люциферу?

Один аспект его «Парсифаля» скорее всего предполагает именно эту возможность: это история Клинкора. Великий немецкий композитор Рихард Вагнер прекрасно понял, что с этим персонажем связано нечто дьявольское. У самого Вольфрама фон Эшенбаха Клинкор напоминает дьявола из мифа о сотворении мира, бытовавшего в секте богомилов в Византии. В наказание Бог лишил этого дьявола сил, в данном случае выраженных в способности плодиться и размножаться. Эшенбах предполагает, что только наказание Клинкора стало толчком к обретению знаний, то есть Познанию. Двойной пол Люцифера, который одновременно является и Венерой/Утренней Звездой, иллюстрируется у Эшенбаха посредством имени партнерши Клинкора – Иблис. Иблис, вернее, Эблис есть не что иное, как еще одно имя Люцифера. Взято оно Эшенбахом из исламской мифологии, с которой поэт, судя по его привязанности к арабским наименованиям, был отлично знаком.

Следует признать, что ни один другой поэт Грааля не заходил столь далеко в своей дерзости, как Эшенбах. В большинстве историй о хозяине волшебной крепости говорится крайне невнятно. Разве что Кретъен де Труа пишет, что был тот одноног и хромал; типич-

ный атрибут дьявола – именно хромота. Можно провести параллели между этим одноногим хозяином волшебной крепости и богом Сатурном: последнего довольно часто сравнивали с чертом. По крайней мере, в христианском Средневековье⁴. Однако до сих пор мы рассматривали только связь между падением Люцифера и падшим Клинкором. А ведь мы хотели понять, возможно ли для него возвращение к Богу?

Во всех историях Грааля, в которых упоминается волшебная крепость мага, того самого, которого Эшенбах называет Клинкором, ее завоевание представляет своего рода вызов. Иногда даже кажется, что Клинкор ждет своего завоевания. И совсем не собирается бороться с помощью магических трюков. У Кретьена де Труа одноногий хозяин сидит перед крепостью и что-то вырезает из дерева. Он не может создать ничего нового, только придает форму имеющемуся под рукой материалу. Кретьен ясно дает понять, что в волшебной крепости отсутствует творческо-созидательный элемент. Здесь нет даже взрослых мужчин; помимо женщин, в ней живут только юноши, которым еще предстоит стать рыцарями. Так, может, Гавейн, ставший завоевателем волшебной крепости, это альтер эго Парсифаля? Он является не просто освободителем женщин и пажей, но и своего рода спасителем для Клинкора? Это объяснило бы, почему во многих интерпретациях именно Гавейна называют солнечным героем: его физические силы зависят от положения солнца на небе. Только такой солярный герой мог принести свет в окружающую Клинкора тьму.

Из «Псевдопарсифаля, создания благородного рыцаря Галахада»:

...Симон и Парсифаль по южной лестнице покинули пещеру и направили стопы свои в близлежащий лес. Дыхание солнца отражалось в лужах на дышащей матери-земле, а теплые капли утренней росы покрывали лица мужчин.

Симон заговорил с Парсифалем:

– О твоём прибытии сообщила мне посланница Бога. Она явилась мне в золототканых одеждах неопишущей красоты и принесла мне весть о скором твоём прибытии. Твоё наследие – сокровище любви, чаша, ведь так? – И Симон в задумчивости взгляделся в черты Парсифаля.

– Не только чаша, но и камень, – заметил прекрасный ликом рыцарь Грааля.

– Да. С давних пор камни были нашими союзниками и хранителями мудрости всех времен, будь то знание этого мира или мира высшего. Камни – хранители мистерий, говорят Мудрым и молчат пред Незнающими. А ты везешь с собой камень мудрости.

В старой дубовой роще утро просыпалось во всей красе Творения, и солнце уж странствовало по небосклону.

– Тот Бог, которому я поклоняюсь, учил меня делить хлеб и вино, – проговорил Парсифаль, обращаясь к Симону. – Я делю хлеб с тобой, Симон, ибо хлеб есть символ учения любви, тайны которого тоже хранит в себе чаша-камень.

⁴ Любопытно, что греческий бог Кронос тоже связан с кастрацией. Только не он был кастрирован, лишен силы, а собственноручно лишил мужеских признаков своего отца Урана. Из его отрезанных гениталий, которые Кронос бросил в море, родилась богиня Афродита, у римлян получившая имя Венеры. И благодаря Венере вновь смыкается замкнутый круг вокруг Люцифера.

Герой Грааля

Думаю, рыцарское наследие Грааля еще долго придется осмысливать. Ведь читая эти глубоко символические истории, поневоле задумываешься: а каким должен быть главный герой? Он способен выразить идеалы земного и небесного воинства? Суждено ли ему обрести Грааль? Герой Грааля обязательно ищет. Всякие поиски – особая задача, выполнить которую по силам только одному конкретному рыцарю. Парсифалю не удалось решить ее с первого раза – он не смог задать роковой вопрос во время своего первого появления в замке, а Гавейну еще предстоит оправдываться в убийстве своего спутника-рыцаря. Закономерность поисков напоминает предопределенность миссии Христа в мире.

Ничего удивительного в этом нет. Дело в том, что в средневековом сознании Христос ассоциировался с рыцарем, который только и делает, что сражается за искупление мира.

Христос – рыцарь, потому что искупает, а ищущий Грааль – рыцарь, потому что обретает путь к священному символу.

...поистине, никто не сможет обрести Грааль, за исключением того, кому волей Неба предназначено найти его.

Путь Христа предопределен небесами, путь рыцаря Грааля уготован Граалем, который в средневековой системе ценностей тоже считался посланцем небес, «камнем» со звезды, «небесным потиром».

Часть 3 Сумерки древности

LANCE VIENNE

Тамплиеры и Грааль

Когда занимаешься историей тамплиеров, не стоит забывать, что, согласно преданию, именно тамплиеры стали первыми обладателями тайны священного Грааля, как бы он ни истолковывался – от раритетной чаши, из которой давал пить вино своим ученикам Иисус Христос во время Тайной вечери и в которую потом собрали кровь распятого Спасителя, до некоего тайного знания, наиважнейшего для человечества.

Кстати, тот факт, что тамплиеры обладали некой важной информацией, от которой, возможно, зависело благополучие Католической церкви, во многом объясняет то отношение, граничащее со страхом и завистью, которое испытывали к ордену и верховные служители Церкви, и могущественные монархи сверхдержав. Несомненно, храмовники держали всех в своем крепком, закованном в металл доспеха кулаке. И именно это в конечном итоге погубило их...

Все, что ни делали тамплиеры, они совершали для установления нового порядка в Европе. И если бы им это удалось, Европа сегодня, вне всякого сомнения, выглядела бы иначе.

Европа была бы землей Грааля.

Государство Грааль взглядом тамплиера-романтика

Они всегда пытались романтизировать свою «крепость Грааль», которую им приходилось охранять. Так, один из магистров ордена храмовников – Роберт де Сабле, верный друг короля Ричарда Львиное Сердце, – еще до того, как стать тамплиером, был поэтом. Не могу не привести строфу из его «Ныне воспеть...»:

Но сердце мое охватила страсть
Быть легким и летучим...
Но истекает время...
Тому, кто ждал, сколько мог.
Поэтому и заслужил я смерть.

По крайней мере, неплохо. Современные поп-звезды выросли бы в глазах слушателей, если бы поинтересовались поэтическими творениями тамплиеров.

Гийом де Провенский, другой трубадур-тамплиер, немалую часть своего труда «Библия» посвящает именно храмовникам. Оказывается, орден Храма не имеет недостатков: *Там становятся рыцарями те, кто познал мирскую жизнь, и повидал ее, и испробовал.* Для него тамплиеры – это «орден рыцарства». Именно Гийом создает первую романтическую картинку государства Грааль:

В большом порядке содержат они свои Дома,
Поддерживают верное и твердое правосудие,
Из-за чего орден умножает величие и богатство.
<...>
Тамплиеры должны себя видеть
И с Крестом, и в плаще,
Показать свою силу, и щедрость, и стать,
Ибо означает белый плащ
Смирение и чистую жизнь...
Крест – тот путь,
На который направил их Бог и по которому
Бог их ведет.

Собственно говоря, некоторые современники считали тамплиером и Вольфрама фон Эшенбаха. Милостивый рыцарь Вольфрам. Покровительствующий язычнику Флегетанису. Вольфрам будет настолько благодарен ему за те знания, что «язычник» передаст ему, что воспевает его в своей поэме «Парсифаль»:

Он был великий физик из рода Соломона: родители его принадлежали к семейству детей Израилевых... Отец Флегетаниса был арабом.

Язычник Флегетанис умел предсказывать закат каждой звезды и время каждого ее возвращения. Он знал, сколько времени понадобится звезде, чтобы совершить свой путь и вернуться на прежнее место. Круговорот звезд предопределяет все, что происходит на земле.

Интересно заметить, что имя Флегетанис составлено из искаженных арабских слов Felek и Tani. По-арабски Felek Tani – имя бога Гермеса (Меркурия). Интересный круг общения у рыцаря-тамплиера, не правда ли?

А еще тамплиер Эшенбах – создатель «романтической страны Грааль» тамплиеров.

Сразу же по прочтении первых страниц понимаешь: то, что записал Эшенбах, – единственно достоверная версия. Важное место в своей истории о Граале Вольфрам фон Эшенбах отводит тамплиерам, ибо они являются его хранителями. Приобщая так явно орден Храма к тайнам Грааля, Эшенбах как будто пытался заставить нас что-то понять. Тайны Грааля, открыто говорит Вольфрам, скрывают различные явления действительности, спрятанные за внешними проявлениями. Нужно лишь уметь читать между строк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.